

БЫВАЛЬЩИНЫ **Надежда Михайлец. С. Подгорное.**

Бабушке, Матрене Кирьяновне Михайлец

Послушай, чему ты улыбаешься, где черпаешь оптимизм в наше нелегкое время, когда другим-то и жить не хочется? Это уже даже не вопрос, а какой-то упрек, который бросают мне знакомые.

Да нет, не скрою, бывает и мне не до улыбок, а то и совсем плохо. Удары судьбы бывают столь жестоки. Не обошли меня стороной измена, предательство дорогих мне людей, друзей, сослуживцев. Подлость, зависть и злоба, болезни.

Но стоп! Что толку умирать от жалости к себе, припоминая те или иные обиды, огорчения? Оптимизм, сила духа, то есть душевная и духовная энергия не зависят от материального состояния, благополучия человека. Ощущение счастья не может покинуть вас, пропасть из-за пустой потребительской корзины. Это я поняла с годами.

Человек, гонящийся за своим счастьем, напоминает старуху, которая ищет очки, а они у нее на носу. Счастье – оно около нас, где-то рядом, или со мной, или во мне. Счастье – я сама!

Опять вызову раздражение у некоторых: мол, издевается или резвится, когда кругом руины бытия. Нет, мои друзья: так писать имею право, и вот почему. Протрудилась я двадцать семь лет, проучилась четырнадцать, безработной была почти три года. Работать хотелось, даже очень, но не давали. Безработицу в районе на мне обкатывали. Бесправнее, униженнее, чем безработные, не бывает. Но это отдельная история. А вот было еще в моей жизни восемь лет детства. И именно о нем хочется кое-что рассказать, потому что с возрастом приходит понимание, что силу жизненную, спокойствие, мы, взрослые, оттуда – из детства – черпаем. Насколько та емкость наполнена – зависит от того, какими были наши дедушки и бабушки, что они дали нам в детстве.

У моей бабушки, Матрены Кирьяновны Михайлец, жизнь сложилась трудная, вся была в работе и заботе. Когда умирала, говорила: «Всю жизнь прочертоломила на людей, а вам, внукам, ничего не имею возможности оставить в наследство. Так не должно быть. Посадили вас всех за парты, и учат читать, считать, писать. А это кормить человека четыре из вашего класса будет, разучат вас работать, хуже нас жить будете. Мы выжили только потому, что все-все делать сами умели. А вы съедите наши запасы – и все! Но вы не виноваты - политика такая неумная».

Запали эти слова мне в душу. Но сейчас я благодарна бабушке, она оставила наследство – духовное!

Сколько она перенесла: и сиротское детство, и переселение в трехлетнем возрасте с Полтавы. (Три года до Алтая на лошадиных подводах добиралась по столыпинской аграрной реформе. В дороге рождались в семье дети, нянчила, отец ослеп». Детей и бабушку раздали в люди: – детей нянчить – девочек, мальчиков – в подмастерья). После первой мировой войны осталась вдовой с двумя детьми. И еще вышла замуж, и еще двенадцать раз рожала, и, сколько помнила себя – работала не покладая рук. Вынесла

ссылку в Нарым, не пала духом, не озлобилась, не умерла с голоду. И во Вторую Мировую не умерла. Хотя пухла с голоду, суп ела из убитой змеи. Сокрушалась все, что детей только четырех из четырнадцати сохранить удалось, вырастить. И те в Сибири сгинули!

Всех внуков, а нас было семеро, одаривала добротой, любовью, заботой, вкусными постряпушками и парным молочком. До самой смерти все спешила, все бегом. Худенькая, шустрая, с огоньком в глазах, с голубой искринкой, добродушным отношением к людям, к животным и растениям. И в старости она не потеряла чувства восхищения и душевного равновесия. Я помню, как она, укладывая меня спать, крестила постель, требовала лечь на бочок, чтобы правый сверху был, объясняя, что только так хорошее и будет сниться. И еще не ленилась каждый раз на сон молитву читать, и засыпая я слышала: «Отче наш, да святится имя Твое. Да придет царствие Твое, да исполнится воля Твоя на земли, яко на небеси. Дай нам, Господи, хлеба насущного на каждый день. И прости нас, Господи, за грехи наши, как простили мы тех, кто сделал нам худое. Избавь нас от лукавого, и не введи нас в Искушение. Аминь! Аминь! Аминь!» Тогда в детстве мне эта молитва казалась простым набором слов. Как и то многое, о чем пела (а песен она знала много, когда я в пятом классе училась, то записала за ней 72 песни, много на украинском языке). А еще она заставляла меня все время слушать повторяющуюся по радио постановку «Наталка – полтавка» называлась. «Слушай, Надя, это про мою маму постановка, про Наталку-полтавку». Привычку слушать радио у меня бабушка выработала. «Какие умные люди, сколько знают. Сейчас так легко умным стать: рассказывают, пишут... А раньше – какой родишься, такой и помрешь, ничего ведь не было раньше этого. Сейчас мотай на ус, да живи по-умному». И за это спасибо бабушке, потому что, когда я была без работы, без средств к существованию, когда оба мои ребенка Родине служили: дочь на Чукотке десять лет военной переводчицей, а сын – в Морфлоте на Дальнем Востоке, у меня не было денег. Даже семи копеек на конверт, чтобы ответить им на письмо. Не было мыла, чтобы помыть руки. Но я слышала радио, там было достаточно примеров для подражания, слов, которые не давали скурвиться или еще чем неблагоприятным заняться.

Но вот жизнь, большая ее часть, пронеслась. И что же? Сейчас и у меня три внучонка. И никакая бессонница меня не мучает, нормально сплю, почти всегда – усталая. Как в детстве – сладко сплю со спокойной совестью. Когда засыпаем с внуком, он командует: «Баба, говори!» И я ему рассказываю были и небыли, что деревья и трава, и цветы – живые существа, и если их память или сорвать без дела, то им так же больно, как человеку, как тебе. «Представь, если вот тебе волосок из головы выдернуть? Больно! Вот и листик – сорвешь, и дерево замрет от боли».

Старость не страшна, когда хочется танцевать, петь, общаться. Мне уже много лет, а не верится, потому что велико желание жить. Нравится. При этом я вижу, что вокруг делается, не зажмурившись живу. Мои знания о жизни дополняются поездками. Информация самая что ни на есть живая. Едешь на поезде через всю страну, насмотришься, наслушаешься. Нередко встречаются люди, созвучные моей душе. Разговоришь человека, а он тот-же, из детства. Оттуда жизневосприятие. Не будь таких людей, захирела бы наша земля, изнылась.

Вот прожили столько, и уверены - мы испытали все. И любили, и страдали, рожали, учились, работали, комсомольцами-пионерами были. Одних только Ленинских зачетов сколько сдали. А золы, макулатуры сколь собрали! А сколько лапки хвойной скотинке зимой готовили. Летом косили, турнепс пололи, лен дергали, снопы вязали. Дрова для школы готовили, в добровольной дружине общественный порядок охраняли. Причем детей своих малых бросали дома и шли на общественную работу. Так надо было. Так все жили. Сумки, очереди, уроки... Дефициты всего. Творили, успевали, чудеса на своих кухнях, грядах...Обзавелись неизлечимыми болячками, надсадились. Как же – пик коммунизма уже виднелся.

Ну, а почему, одни, пройдя все это, в унынии, а другие продолжают чувствовать себя счастливыми, бодрствуют, не теряют оптимизма? Наверное, вторые слышали от своей бабушки, а может – мамы, что уныние – это смертный грех. А может, они из какого другого теста слеплены. Может, питаются-одеваются по-другому? Отнюдь! Такие же люди, обычные, их миллионы, живут своей жизнью и в любой ситуации стараются сохранить достоинство, самоуважение.

Каждый живет в меру своих способностей и в меру своих притязаний. А уж если вот эти вот притязания выше способностей, то и создается впечатление, ощущение некоего неудовлетворения жизнью. Тут в пору Михаила Задорнова вспомнить: «Счастлив не тот, у кого много, счастлив тот, кому достаточно, кому хватает». Сразу же перевожу на бабушкин язык. Она говорила: «Протягивай ножки по одежке. Чаше сказку вспоминай о золотой рыбке.» Научиться быть счастливым можно!

Жизнь – миг! И не надо тратить миг на пустяки: злобу, зависть, обиды, агрессию, разминивать на бесплодные стенания. Ведь это плохо отразится на внешнем виде и внутреннем состоянии. Бабушка-то мне говорила: «Помни всегда, Надя – ты на этом свете не только для работы, но и чтобы свет этот украшать. Женщина – она как цветок. Какая самая красивая женщина? Самая чистая! Вот, трудись, мой себя, чисти, все вокруг тебя сверкать должно, и душа тоже!» Можно подумать, что раньше, мол, хорошо, все бедно жили. Вот не было злобы, зависти, сколько ее сейчас. Может, и не было в той мере, как сейчас. Но что была – помню. Бабушка на свои трудодни получила в магазине шаль: шерстяная, красивая, в крупную клетку, а клетка – цвета морской волны с бордовой полосой, кисти. Другие женщины тоже получили шали, но похуже. Вот, те самые: коричневые по краям, с белыми полосами, похуже качеством. Так я сейчас понимаю, бабуля моя побольше этих самых трудодней «сробила», ну и шаль ей «вырешали» получше, покрасивее, добротнее. В моем детстве не было ни кофт детских, ни пальто. В прохладную погоду бабуля доставала эту красивую, теплую шаль. Застегивала ее на мне на булавку. Так я и бегала день. А раз вечером бабуля шаль потеряла: «Надя, где шаль?» Надя забегалась, не помню где. Пошли искать, нашли в колхозном телятнике. Шаль была изрублена топором так, что ловить, что называется, там нечего было. Бабушка поохала: «Как же вещь-то жалко! Люди столько труда вложили, чтобы ее сделать. А кто-то раз – и в печку!» И все, больше я о ней, о шали, не слышала. Никаких разборок. Бог дал – Бог взял.

Дед работал кузнецом. Сильный был и умный. Многие его помнят в поселке Крайний, что в четырех километрах налево от Ермиловки. Там, в Крайнем, два колхоза было, на правом

берегу Табуги – «Рассвет», на левом – «Восход». Из пруда берет начало речушка Табуга, около пруда на горке – красавица, размашистая мельница. Напротив ее - кузня, в ней кузнец – Трофим Максимович Михайлец. Рядом с кузней фермы, хомуталовка, маслобойка. Везде народу полно, все делом заняты, и мы, дети, тут же, между ними снуем. Там, за речкой Табугой – мой дом детства. Вольный, просторный, наполненный солнцем с удивительным миром доброты, трудолюбия. Мир, полный ярких красок, запахов ягод и цветов из бабушкиного и колхозных садов, мычанием коров, пахнущих парным молоком, гамом живности – кого только там не было! А через дорогу от дома - колосилась пшеница, яркая, налитая, как янтарь, разве забудешь ее то ли шепот, то ли звон. Шуршит ветер по пшенице, по льну, и тянется это поле до горизонта. Пруд с карасями и гольянами, где с бабулей трясли корчажки, перли их курицам по два ведра на коромысле каждое утро. Дамба, которую каждую весну уносило в половодье. Сколько времени прошло, но там, на Табуге, до сих пор ощущаю бабушкино и дедушкино присутствие. И только последние несколько лет не могу туда попасть из-за бездорожья. Заросли поля, что корчевали крайцы, порушилась дорога, прямо хоть вертолет заказывай, или вездеход.

Еще один эпизод. 1957 год. Позади военное лихолетье, продналоги, трудодни, облигации госзайма. Запомнила, как пили чай по вечерам - «чаевничали». Сахар хранился в сундуке у деда под замком, вот как раз набитый теми самыми облигациями, махоркой-самосадом. Так вот, достанет дед комок сахара, расколет щипцами на кусочки, и раздаст нам всем по кусочку. Оставит по маленькому кусочку себе и бабушке. Она чай выпивала вместе с нами, но вот свой кусочек клала в карман фартука, а назавтра отдавала его мне. Какой он был сладкий!

Земля теперь-то табужинская, где был поселок, запустела. Там теперь поле. Это поле насильственно было сделано. Два дома, один пятистенник, другой «летний дом», пригоны, сад, все добротное – было сожжено. Когда в конце 1960-х кто-то из правительства двинул идею ликвидировать «неперспективные» деревни, укрупнить их в совхозы, то деды мои на тот момент оказались «Отработанным материалом», их отправили на пенсию, назначив выплату в 27 рублей по старости! Колхозный стаж во внимание не брался, сказали: «В колхозе вы вели коллективное хозяйство и работали на себя. Извините! Освободите крайнюю территорию, на месте вашего дома должно было быть поле, засеянное пшеницей.» Дед до последнего жителя не верил, что под старость лет им надо было пройти еще одно раскулачивание. Живность со двора: коров, поросят – продали. На те деньги купили мазанку в Подгорном. Дед Трофим через год с горя слег, а потом и совсем умер. Через второе раскулачивание он не прошел. А бабуля так рассуждала: «Видела в городе дома, сколько окон, в каждом окне люд, который есть-пить хочет, всем им кушать подай. А кто ж их накормит, как не деревня. Ну, сгонят опять нас в кучи, условий никаких, чтоб самим себя кормить, а пенсии на много ли хватит?» Так и зачахла бабушка в 67 лет. Жалко их жизнь! Свою? Да тоже жалко, всегда говорю и думаю, а сколько могла бы я полезного сделать, проявить себя, будь у меня фундамент жизненный. Нет же, пришлось на каждую вилку, ложку самим зарабатывать. А питались как? А как с квартирами намаялись, с жильем, с детьми! Эти бы силы, да в государственные дела. Разве бы мы сейчас так жили?

Да, наступает такое состояние, когда мне становится не по себе. Просто необходимо побывать «дома», в детстве, в родной Табужинке. И поверьте, дает тот «дом» прилив силы жить, преодолевать трудности. Как дерево питает земля, так человеческую душу наполняет жизненной энергией память о детстве, о родных и соседях, близких и далеких.

Самый главный антисамогонщик.

Не знаю, как в ваших селениях было, а в Крайнем, где я жила у деда с бабой, детей пугали не только цыганами. Цыган-то мы никогда и не видели. Для нас это было чем-то мифическим. Ездят, мол, они на бричках; кони запряженные, песни, костры, а могут и дитя с собой чужого прихватить. Так вот, как забалуешься сильно - обещают вообще отдать этим самым людям. Ну, уж если набедокуришь чего посерьезнее, пиши пропало, сразу говорят: «Вот приедет Ширшов, он с тобой разберется!»

Участковый Михаил Иванович Ширшов был угрозой не то, чтобы для ребятишек, а скорее для взрослых селян. Мы, ребятишки, его боялись, потому что взрослые трепетали. Только появлялся милиционер Ширшов в «Рассвете», как тут же по сарафанному радио доносился шепоток аж до «Востока». (Эти два колхоза разделяла речка Табуга). Никто не считал, но много, очень много вылил в ту Табугу самогонки да браги милиционер Ширшов. Брагу ставили и гнали самогон почти в каждом подворье. Продукты на это дело шли отборные: свекла, турнепс, пшеничка. Гнали не на продажу, так, себе на «лечение». Давали мужику выпить «с устатку», а то ведь они, мужики-то, чертоломили и в колхозе и дома. Заболеешь если, тоже самогоном натирают. А после уборочной «а это время как раз приходилось на 7 ноября, на выборы, да на свадьбах гуляли». Гуляли всем селом по три дня, песни, пляски под гармошку, шутки-прибаутки. Веселье шло колесом, из дома в дом, по очереди. Накрывали столы пирогами, киселями, стряпней, кровяными колбасами. И так лихо гуляли, как лихо и дерзко работали до этого в поле, огороде, на ферме. А бабушка Мотя все время это приговаривала: «Ох-ох-ох! Раньше люди Бога почитали, да греха боялись. А теперь только одного Ширшова и боятся!» И она же все диву давалась, откуда у Ширшова нюх-то такой. Куда только не прячут хозяева бутыл с самогоном: в картошку ли зарюют, в землю ли закопают, все бесполезно. Ведь откопает, ведь прямым ходом на бутылку выходит! Это мы теперь знаем, что в то время на каждые десять человек один стукач был. А раньше-то не знали, все «нюху» приписывали. Хватал он бутылку (а большие емкости были) – и о столб! Звон по селу, вонина сивухой, женщины всхлипывают, мужики матерятся... Ширшов уезжает – все стихает. Тут работа свиньям наступает. Они гуцу из-под того столба пожирали, пьяные становились. Визжали и даже позволяли нам, детям, на них покатаваться. Битые четвертины – это же такое богатство! Стеклышки красивые, волшебные! Глянешь на мир через него – а он другой. Потрешь его о подол, поднесешь ближе и ахнешь – до чего красиво вокруг! Насобираешь стеклышек полный мешочек, унесешь за сарай, в свой «домик». И таким богачом себя мнишь! Стеклышек хватало всем детям. Тогда ведь игрушек других не было, как водилось в те времена, играли тем, что под руку подвернется. Консервные банки, к примеру, служили нам лагушками, и, копируя взрослых, мы тоже «заводили брагу» и «гнали самогон», «угощать соседей», «гулять свадьбы». Вы удивитесь, но «бражка» пенилась, играла, вкусная была. И «в Ширшова» мы тоже играли.

Когда все это вспоминаешь, диву даешься, что за полномочия у Ширшова были, ведь в каждый дом вхож был, и, как говорится, «правил бал». Что ж теперь-то нет управы на спиртопродавцев-ядоносцев. Только недавно, придя работать в Подгорнский краеведческий музей, я узнала полные анкетные данные Ширшова. Работал он в МВД с 1946 года, уж двадцать пять лет, как умер. Крепкую и долгую память оставил о себе наш односельчанин. И вот ведь еще что: хорошо помню, боялись его, а зла на него не было. Не вызывал он чувства мести, только «продукта» жалко было. Это было каким-то человеческим чудом. Рядом с ним всегда чувствовали, что хорошо, а что плохо. Что – добро, а что – зло. Был в нем свет. Свет строгого добра.

Не люблю людей с «хапательным рефлексом». Вроде, и он был у Михаила Ивановича, но ведь не для себя хапал, а ради людского же блага. Понимали это люди: ради них свирепствует человек. Ради них тратит свои силы и нервы.

В общем, в моей памяти Ширшов – самый главный антисамогонщик.

Прошло с тех пор около 40 лет - со времен моего детства. А у меня сохранилось одно волшебное стеклышко. Я его сберегла. Иной раз так все достанет, «обрыднет». А наткнешься на стеклышко, вспомнишь, как раздавала из своего мешочка «богатство»: детям, когда они болели или плакали, взрослым, когда они грустили или сердились. И, что удивительно, взрослые тоже их брали, и не удивительно – взрослый – тот же ребенок, только ростом больше. И всем волшебное стеклышко помогало, кроме одного. Потому что он был злым. Он и сейчас злой. На злых волшебство не действует. Он никогда не увидит мир другим, чудесным. И, видать, ему бабушка не рассказывала, сколько труда человеческого в то стеклышко вложено: «Песочек добыть надо, уголек из шахты вынуть, чтобы этот песочек до нужной температуры довести – расплавить, а умельца-то сколько учить надо, чтоб бутылку умел сотворить. Разбить-то – раз плюнуть. Только чтобы валялся такой труд – негоже. Только скотина этого не понимает. А человеку ум на то и дан, чтоб думать, каким смыслом что наполнено».

Первоклассное ЩАСТЬЕ.

В первый класс я пошла в 1960 году. Школа наша в Крайнем располагалась в двухквартирнике. В одной половине школы, в другой – квартира учительницы. Большая комната - классы начальной школы. В ней занимались все четыре класса одновременно. И учительница одна на все четыре класса. Ее звали Галина Яковлевна, фамилии не помню. Но ее хорошо запомнила. Красивая, статная, кареглазая, с тугой косой до пояса. Смуглянка в сером пушистом свитере и строгой черной юбке. Уроки пения она вела с мандолиной. Это была сказка. Мы пели все – с первого по четвертый класс, как замороженные, слушали звуки этого экзотического инструмента. Но это был почти единственный урок, где можно было объединиться одним делом. А так, вообще-то, учительница вела разные уроки в разных классах, в одно и то же время. Скажем, у меня и Вовки Абросимова (первый класс) – арифметика, а вот у Тони Куракиной (четвертый класс) – природоведение. Представляете?!

Что может быть интересно первокласснику? Конечно природоведение, там и карта, и глобус, и камыши. И мы с Вовкой быстренько переписывали условие задачи в тетрадочку, как упражнение по русскому языку. Галина Яковлевна ставила нам по «колу» с подставкой. И это было удивительно: ну как же так, ведь переписано без единой ошибки и так красиво, без единой кляксы. И вдруг – кол! Что решать надо задачу, нам и в голову не приходило, а когда дед, Трофим Максимович, дома пытался объяснить мне, в чем дело, так бабушка Матрена Кирияновна, закончившая «ликбез» и научившаяся там только читать, шумела на деда: «не лезь со своими двумя классами церковно-приходской школы, у них теперь все по-другому!» дед отступал, рассерчив на обеих.

Галина Яковлевна вскоре из Крайнего уехала. У нее «случилась любовь» с Валентином Савиным. Он на тот момент был женат на моей тетушке Тамаре, она в Томске на операции лежала, а свекровь ее, Катерина, в школе топила, да мыла. Валентин помогать ходил матери, а вскоре в селе зашептались: «Ночует Валентин у учительницы». Возвращалась Тамара домой, а ей уже по дороге «новость» сообщили. Бабушка, увидев Тамару, спускающуюся с горы к Табуге, по походке поняла: знает Тамара: «Ой, что же теперь будет? Уже донесли». Тамара распахнула дверь: «Мать, самогон есть?» Бабушка быстро открыла подполье, нырнула туда, а вынырнула с четвертиной, налила полную алюминиевую кружку. Та залпом выпила, взяла топор в сенях и двинулась к школе. Рубанула по углу школы, учительница выбежала, и бежала, бежала и бежала... Сбежался до школы весь «Восход», а потом и «Рассвет». Так мы остались без учительницы, без мандолины, без уроков. Долгое время занятия не велись, потом прислали из райцентра молодого человека, этого я и имени не запомнила. Говорили, что его из 10 класса в Подгоном за какую-то провинность отчислили. В общем, «поперли», но, якобы, он был сыном какого-то начальника, вот его и пристроили к делу, детей в Крайнем учить.

Он, как и дети, тоже предпочитал уроки природоведения. Однако быстро вышел из себя, застрелил у Абросимовых собаку, потому что их Колька, Вовка и Васька только псом и занимались, а уроки не учили. Не помню, где учитель ружье взял. Только запомнилось, как долго умирала собачка, она была ранена. А мы вообще отказались идти в школу, сидели около нее, стояли, горевали. А учителя после этого толи «попросили», толи сам бзикнул, и, бросив все, уехал. Пришла я во второй класс в Подгорном и уже у Зои Карповны Батальцевой «решила задачу» по-краински. Она ахнула, кому-то из учителей жаловалась: «Ох, и подарочек мне из Крайнего достался!» Как сейчас бы – так быстренько бы в Черемушки оформили, но тогда Зоя Карповна за меня взялась, да и условия в Подгонской школе другие были. К четвертому классу я у нее уже в хорошистах ходила, хотя характер очень проявляла.

Писали мы как-то областной диктант. Слово «счастье» я написала с буквой «Щ». Зоя Карповна как увидела, побагровела, тыкнула пальцем в букву, проходя мимо, не смотря на присутствовавших представителей. Так разозлилась, диктует дальше. Но я букву «Щ» обвела жирно. Просто мне это слово именно таким нравилось. Вот именно «ЩАСТЬЕ», зачем правила, когда так красиво. «ЩАСТЬЕ» - звучнее, выразительнее.

От Аси Петровны.

Вот опять я не утерпела, пишу «бывальщину». Про политику, да про разные катастрофы каждый день слушаем по радио, телевидению. А вот забавные истории лучше с удовольствием читаю. Хоть от души посмеешься, и мир становится иным.

Начну, вроде с вступления. Мои родители, Симонженковы, приехали в Сибирь в 1921 году из Вятской губернии, в голодный год. Привезли с собой кучу детей, да полную рогожу лаптей. Думали, в Сибири нет лыка, а оказалось, что тут есть другой прочный материал. Отец стал плести лапти из бересты. Намного оказались прочней. Местные старожилы носили не лапти, а чирки - выворотки из кожи. Они ее сами выделывали. Над вятскими насмехались. Даже поговорка была: вятские, люди хватские, семеро одного не боятся, а если один на один, то кобылу с запрягом отдадим. А вятские в ответ их обзывали почему то «чалдонами желтопупыми».

Так вот, вятские за пять-шесть лет обжились, благо работать не ленились: построили избенки, завели скот. Корчевали каждое лето тайгу под пашню и покосы. Отей мой был мастер на все руки. Бондарничал, валенки умел катать, из бересты делал разные туески, корзины, пестери заплечные (вроде рюкзака). Отбою не было от заказов. Туески вятские звали бураками.

Вот было это где-то до 1930-го года, еще не было спецпереселенцев. Глушь стояла кругом поселков. Как-то летом, в сенокос, как обычно, отец с сыном и дочерью старшей собрались пораньше, обулись в лапти, взяли бурак квасу. Литовки на плечи и и под узды лошадь-мерина (Серком звали). С утра, пока сыро, косили, а днем скошенное уже подорохшее сено гребли, клали на волокуши, и подвозили к стогу. Серка с утра спутали и пустили пастись. Сами косить стали. Дело шло уже к обеду. Серко из глаз скрылся куда-то. Сели передохнуть. Отец говорит детям: «Пока отдохните, а я пойду схожу на реку за водой. Квас то выпили уже, и может, там Серко ходит». До реки недалеко, но по краю ближе - заросли шиповника и маличника. А к самой воде обычно – черемушник и тальник. Идет отец, задумался, отмахивается от комаров и овода, смотреть, в густой траве Серко лежит возле тропы. Отец, не долго думая, пустым-то бураком как хлопнет его: «Вот ты куда забрался?» Не успел договорить, как Серко-медведь вскочил, рывкнул. У отца в руке осталась только крышка от бурака. Как отец обратно бежал – плохо помнит.

Прибежал к детям, слова не может вымолвить. Покрышкой машет, а сын взял да и засмеялся: мол, он не утонет, из бересты сделан. Тут отец пришел в себя, приказал сыну бежать за ружьем, а дочь послал к соседям, они недалеко косили. Сам затрусил в кусты, поддерживая подштанники. Прибежал сын с ружьем, соседи. Повел отец их по своей тропке, дошли до того места, видят, бурак валяется без крышки. А медведь отбежал совсем недалеко, и сдох. Вот было диво-то! Долго вспоминали,. Отец в этот день не смог сел сено метать, тоже бегал в кусты. Серко спокойно гулял с соседней кобылой на лугу, отмахиваясь хвостом от гнуса. А медведя не стали трогать, зато воронье радовалось долго такой дармовой добыче. Каркали, дрались между собой, не могли мирно поделить падаль.

Село Гореловка.

Пряники бабе Яге.

Подгорное, шестидесятые, учусь в пятом классе, живу у бабушки, Матрены Кирьяновны. Сажу на печке и в свободное от уроков время читаю «Маугли». Плачу, жалко Маугли. Бабушка хлопочет по хозяйству, жарит на плите сало, что-то там еще. Скоро обед. Я не показываю своих слез бабушке. Чего ей страсти про Маугли рассказывать, она сама столько всякого знает, такое из своей жизни расскажет, Кипплингу и не снилось.

Поглядываю на окно. Поджидаю в гости двоюродную младшую сестренку Алку. Она тоже живет с бабой Катей. Но еще у нее папа есть и мама, но нет сестер и братьев. Одна она у них, на троих взрослых.

А у нас другой расклад. Нас трое у одной матери, отец угорел от угарного газа. Вот двое младших с матерью, а я, старшая, - у бабушки. Хоть и старшая, а сладостей хочется. Но мне как раз меньше всех их достается. А вот у Алки много вкусностей – ее балуют. Пряники покупают чуть ли не каждый день. Придет в гости, мне и бабушке принесет по одному прянику. А так хочется два или три. Да где же там?! На просьбу «принести еще», Алка отвечает: «Баба Катя не дает». Но от этого желание иметь пряников побольше одного не пропадает. Тогда я ей говорю: «Ну, ты мне не приноси два. А вот как хочешь, но ты должна еще пряник носить бабе Яге».

Приходит в следующий раз Алка в гости и заявляет: «А бабы Яги вообще нет! И баба Катя ей пряник не дала.» Отступиться бы, да где там? Надо доказать, что баба Яга есть! И она тоже хочет пряник. А живет она на крыше у нас. И вот как только Алка в очередной раз появляется в нашем дворе, я проворно залажу на крышу, хватаю тулуп, заранее вывернутый шерстью вверх, и показываюсь в таком страшном виде Алке. Та с ревом и слезами – в дом. И что бы выдумали? После этого Алка несла пряник бабе Яге и положила его на краешек крыши. Не помню уже, долго или нет продолжалось это, только пряники я до сих пор люблю.

Помним ли мы через года, о тех, кто ушел навсегда?

Фамилия Безносиковых на слуху у жителей Подгорного и всего нашего района. Информация об Иван Степановиче Безносикове хранится в районном музее. Вот короткая запись: «Безносиков Иван Степанович, 1920 года рождения. Служил в армии с 1940 по 1954 год. Воевал на Прибалтийском, Волховском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Участвовал в боях под Ржевом в должности командира орудия. Имел ранения.»

А еще в краеведческом музее имеется анкета ветерана Великой Отечественной войны И.С. Безносикова, которая была им собственноручно заполнена 22 марта 1980 года. Вот что он в ней написал.

«До призыва в армию работал бригадиром в Головинке, около р. Массуги, в колхозе им. Чапаева. В армии находился с 1940 года, непосредственно на фронте - с 1942 по 1945 годы. Службу проходил в качестве артиллериста 76-миллиметрового орудия, командира орудия. Среди наиболее памятных сражений - бои на Волховском направлении у д. Любань, бои под Великими Луками и под Ржевом. День Победы встретил на ст. Юдино

Татарской АССР. Настроение было очень приятное, но я еще пролежал в госпитале до сентября 1945 года. Имею три ранения, одно увечье – перелом правого бедра. Демобилизован в звании старший сержант. Имею правительственные награды за хорошую стрельбу из пушки и поражение огневых точек противника, орден Красной Звезды за взятие немца-языка, и предоставление в штаб полка. Наиболее памятные эпизоды из боевой жизни – форсирование р. Волхов под д. Любань, где немец открыл артиллерийский и пулеметный огонь. Реку форсировали в зимнее время, по колено в воде, с шестами, конями, орудием, но намеченный плацдарм был взят. Там я получил легкое ранение и вернулся в свою батарею. Бои под Великими луками были очень тяжелыми и напряженными, но мы, артиллеристы, выполнили свой долг безукоризненно и в срок. Мы всегда прокладывали дорогу нашей родной пехоте.

Бои под Ржевом запомнились на всю жизнь. Когда в пехоте не осталось солдат, я был за командира взвода. Когда в расчете осталось по 4-5 человек, командир подошел ко мне и сказал на ухо: с каждого орудия нужно выделить по два человека для пополнения пехоты. У меня даже потекли слезы. Кого я мог послать, когда как мы сжились и сработались, как одна дружная семья? Но пришлось подчиниться и направить двух друзей с каждого орудия, и проститься с ребятами за руку навсегда.

На вопрос о трудовой деятельности после демобилизации. С 1947 года - в Госбанке, старший охранник. Так как раненная нога давала о себе знать, физический труд был противопоказан, но все равно ухаживал за конями, их в банке было много. С 1958 года работал в Подгорнской средней школы заведующим хозяйством до ухода на пенсию.

Ваши пожелания молодежи: Следовать примеру отцов и дедов, как мы отстаивали наше будущее Отечества, за светлое небо во всем мире».

Когда я пришла работать в Подгорнскую среднюю школу в декабре 1971 года, Иван Степанович Безносиков уже работал там заведующим хозяйством. Было это еще в старой деревянной школе. Хозяйство тогда было хлопотным. При школе находилась конюшня. На лошадях вывозили дрова, чтобы всю зиму топить печи. Самим лошадям надо было заготавливать для прокорма сено, овес, да и пасти их, содержать в порядке конюшню и все пришкольные постройки. Завучем и правой рукой директора была Полина Степановна Безносикова. Она отвечала за весь учебный процесс, составляла расписание уроков, все в школе работало четко, можно сказать – по военному. Порядок был и в учении, и в хозяйстве. Очень надежными и порядочными людьми были оба Безносики. Я видела, что Иван Степанович хромает, знала, что «пошаливало» сердце у Полины Степановны – росла-то она в военные годы. У Полины Степановны не было своих ребятишек, поэтому она взяла парочку из детского дома – Лену и Васю. Много в них вложила. Но в семье случился развод.

Вернувшись с фронта, Иван Степанович женился на Марии Сергеевне Бельской, у которой были две дочери. Ее первый муж вскоре после войны умер от полученных ран. Иван Степанович вырастил этих девочек и еще двух мальчиков. И еще двух девочек, Надю и Олю, которые у него родились с Марией Сергеевной. Шесть детей, жили очень бедно, голодно, но всех вырастили. Младшая, Ольга Ивановна Тараканова стала преподавателем английского языка в Томске, в ТИАСУРЕ. Старшая, Надежда Ивановна

Свинцова – преподавателем английского в Коломиногривской школе. Валерий и Владимир остались в Подгорном, работали сферах связи и в культуре. Старшие девочки, Валя и Галя, выросли и теперь уже ушли в мир иной. Каждый из детей в свое время стал личностью./

Ивану Степановичу не пришлось особо порадоваться внукам, в 65 лет его не стало. Случилось это в 1986 году от болезни, которой он захворал еще в годы Великой Отечественной, в 1944. По окопам, в которых находились наши, немцы пустили газ. Одни солдаты умерли сразу, другие серьезно заболели.

Когда в 1972 году в Подгорном открылась новая школа, в кирпичном здании с отоплением и с кочегаркой, нужда в лошадях отпала. И конюшню потихоньку ликвидировали. Жизнь Ивана Степановича сильно поменялась, от многого ему пришлось отказаться. На пенсию ветеран ушел в начале 1980-х. К тому времени под его руководством обустроили новое здание. Помню, как мы покупали мебель, классные доски, шторы, всевозможное оборудование. Денег на руках не было ни копейки. Все тогда делали перечислением. Директор школы договаривался о покупках, а мы сновали между базами, конторами, магазинами, гаражами.

Я уже давно не работаю в школе, но до сих пор смотрю на нее и думаю: а сколько же в ней окон? Сотня? Вот на все сто мне пришлось покупать материю на шторы, сшить эти шторы и повесить в классы. Диву даешься, откуда силы брались. Мы, как могли, наряджали школу. Технички были такие рукастенькие, все лето здание в порядок приводили за мизерную зарплату. Сколько работы было переделано Евгенией Харитоновной Красноперовой, Антониной Ильиничной Балабановой, Ядвигой Валентиновной Абросимовой, Ириной Братченко, Галиной Бугаевой и другими! Все они очень уважали «хозяина» - завхоза Ивана Степановича. Ни разу не слышала, чтобы огрызнулись или заспорили. В общем, «хозяин» был от бога.

Вышел Иван Степанович на пенсию, доживать свой век в развалюхе не захотел, а собрался с силами и построил дом. Каждое бревнышко сам готовил для постройки. Выбирал лесины, спиливал, шурил бревна. Построил уютный домик по ул. Зеленой, 30. Вскоре Иван Степанович умер, а хозяйка прожила в нем еще 25 лет. Она сама этот дом отремонтировала, пока тот окончательно не обветшал.

Сейчас многие костерят то Медведева, то Путина. Только вот подумали бы: а ведь только Путин поимел совесть перед ветеранами и их вдовами. Дали же Марии Сергеевне получить достойное жилье за мужа, участника войны. И не только ей одной. Поздновато, конечно, не долго ей пришлось радоваться новой квартирке в Томске, умерла зимой 2012 года. Вот и думается мне- одно дело, погиб на фронте, и совсем другое, когда выжил, еще детей успел родить, вырастить и воспитать. Жилье построить. А захоронен на нашем кладбище. Памятник стоит – его даже скромным языком не поворачивается назвать. Да оградка из спинок кроватей. Слева захоронена мать, Евдокия Степановна Безносикова, справа – сестра, Полина Степановна. Сверху на памятнике кубышка железная, заржавевшая, ну, крашу я ее раз в три года. И так уже четверть века. Все равно заржавели. Но ни креста на той кубышке, ни звезды, ни путней оградки. Скажете – дети пусть поставят? Да дети живут так скромно, что и себе-то на похороны скопить не получается.

Так что же делать? Лежит владелец Красной Звезды под ржавой кубышкой. Что-то здесь не то и не так. И таких солдатских памятников немало по Матушке-России...